

Жена рыбака

Анастасия
Чеславская

18+

Анастасия Чеславская

Жена рыбака

«Автор»

2026

Чеславская А.

Жена рыбака / А. Чеславская — «Автор», 2026

Она выигрывала войны. Он забирал славу. Но цена победы оказалась выше, чем они оба могли представить. Испания, XVII век. Тридцатилетняя война раздирает Европу. Французы жгут прибрежные деревни, убивают мирных жителей, армия терпит поражение за поражением. В маленькой рыбацкой деревне под Валенсией живут Николас и Марта. Никто не знает, что именно Марта, дочь военного инженера, выросшая на книгах Вегеция и Макиавелли, разрабатывает все стратегии, которые приносят победу. Когда молва о «рыбаке-герое» доходит до штаба, Николаса призывают в армию советником. Он уезжает, оставляя Марту одну на берегу. Это историческая драма о женщине, чей гений остался в тени. О цене любви, которая не требует признания. И о том, что настоящие творцы истории часто уходят в неизвестность, оставляя после себя только пепел и море. «Жена рыбака» — это пронзительная сага о любви и войне, о непризнанном гении и сильной женщине, которая меняла ход истории, оставаясь за кадром.

© Чеславская А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Чеславская

Жена рыбака

Жена рыбака

Глава 1. Сети и карты

Весна 1635 года. Рыбацкая деревня Кабаньяль, в двух лигах к востоку от Валенсии

Солнце только начало подниматься из моря, когда Николас вышел из хижины. Он остановился на пороге, прищурился, глядя на розовеющий горизонт, и привычно потянул носом воздух. Ветер тянул с северо-востока – легкий, ровный, хороший для лова. Значит, можно идти.

Он обернулся в дом:

– Марта! Я пошел.

Из глубины, из-за глиняной перегородки, отделявшей очаг от спального места, донеслось приглушенное:

– Погоди, Коля. Сейчас выйду.

Николас усмехнулся. Восемнадцать лет женаты, а она всё провожает его к лодке. Другие спят до рассвета или возятся с детьми, а эта – обязательно выйдет на берег, постоит, посмотрит вслед. Будто в первый раз провожает.

Он спустился по тропинке к воде, где на песке темнели днища перевернутых лодок. У самой кромки прибоя лежала его – «Санта Марта», названная в честь жены, хотя на борту красовалось другое имя, выжженное прежним хозяином. Ладей, пятнадцать футов в длину, широкая, устойчивая, с просмоленными бортами и залатанной мачтой. Рядом в загородке топтались два быка – рыжий и пегий, лениво помахивая хвостами.

Николас откинул жердь, впустил быков на берег и начал крепить постромки. Дело привычное: сначала ярмо на пегого, потом на рыжего, затем цепь к лодке, проверка узлов. Быки стояли смирно – знали, что сейчас их погонят в воду.

– Коля.

Он обернулся. Марта стояла на краю тропинки, кутаясь в шаль. Ветер трепал подол ее простого серого платья, темные волосы были убраны под платок, но несколько прядей выбились и падали на лоб. Ей шёл тридцать пятый год, но в это утро, с подсветкой зари, она казалась моложе – или просто такой, какой он запомнил её в первую встречу.

– Простынешь, – сказал он.

– Не простужусь. – Она подошла ближе, поправила ему воротник грубой холщовой рубахи. – Рыба сегодня пойдет. Ветер добрый.

– Ты у меня колдунья, что ли? – улыбнулся Николас. – Откуда знаешь?

– Вода прозрачная у берега, – ответила она, глядя на море. – И чайки вон, смотри, не в море рыщут, а у самого берега кружат. Значит, косяк близко.

Николас хмыкнул. Она всегда замечала такие вещи. За восемнадцать лет он привык, что жена видит то, чего не видят другие. Иногда ему становилось не по себе от этого её дара – подмечать, запоминать, складывать в голове. Но чаще он просто радовался, что у него такая умница.

– Ну, проверим твою примету, – сказал он, заканчивая с упряжью. – К вечеру жди с уловом.

– Коля... – Она помедлила, словно хотела сказать что-то важное. Потом махнула рукой. – Ступай. Рыбаки уже выходят.

Он оглянулся. Действительно, по берегу уже двигались к воде другие лодки, слышались крики погонщиков, мычание быков, плеск весел. Начало нового дня.

Николас чмокнул жену в щеку (она чуть заметно улыбнулась этой его привычке – целовать при всех, будто они молодожены), стегнул быков, и «Санта Марта» заскрипела днищем по песку, сползая в воду.

Марта стояла на берегу, пока лодка не скрылась за горизонтом. Потом медленно поднялась обратно к дому.

Хижина их стояла на отшибе, у самого обрыва. Когда-то здесь жили родители Николаса, потом она досталась ему, потом в ней поселилась Марта. Две комнаты: одна – с очагом, столом, парой табуретов и глиняным рукомойником; вторая – спальная, с широкой кроватью, сундуком в изголовье и полкой с книгами.

Книги были старые, в потертых кожаных переплетах, с пожелтевшими страницами. Их принесла Марта, когда выходила замуж. Приданое, говорила она. Дочь обедневшего идадьго, что ещё могла принести в дом, кроме книг да старого сундука?

Николас читать умел, но не любил. Слишком много букв, слишком долго. А Марта читала часто. Особенно зимой, когда ветер выл в щелях и море штормило так, что рыбаки не выходили на лов. Она сидела при свече, водила пальцем по строкам и иногда шептала что-то – будто молитву, только слова были странные, незнакомые.

Сегодня, вернувшись с берега, Марта не стала браться за хозяйство. Она постояла у окна, глядя на пустое море, потом подошла к сундуку.

Ключ всегда был с ней – на тонком кожаном шнурке, под платьем. Она отперла замок, подняла тяжелую крышку.

В сундуке поверх сложенных простыней и одеял лежала стопка бумаг. Не писем – карт. Старых, выцветших, с потрескавшимися краями. На некоторых еще сохранились пятна – то ли воск, то ли вино, то ли кровь. Это были карты отца.

Дон Альваро де Агилар, капитан инженерных войск, участник кампаний во Фландрии, умер, когда Марте было девятнадцать. Он оставил ей только долги, сундук с книгами и эти карты. И еще – знания, которые она впитывала с детства, сидя у него на коленях и глядя, как он чертит линии укреплений.

«Смотри, Марта, – говорил он, водя пером по бумаге. – Вот здесь река. Здесь – холм. Здесь – болото. Если враг подойдет с севера, он увязнет в болоте. Если с юга – попадёт под обстрел с холма. Война – это не про то, кто сильнее. Война – это про то, кто лучше видит землю».

Марта тогда не понимала. А потом поняла. И поняла, что это знание – как яд: раз попробуешь, уже не забудешь.

Она разложила на столе самую большую карту – Фландрия, Нидерланды, часть Франции. Та самая, где отец провел последние годы. На полях его рукой были сделаны пометки: *«Здесь болото, летом проходимо только для легкой кавалерии», «Здесь ветер всегда с моря, корабли стоят под защитой мола», «Битва при Ньюпорте – ошибка: надо было ударить не в лоб, а обойти по дюнам»*.

Марта долго смотрела на эту карту. Потом достала из-под стопки другую – чистую, купленную у торговца в Валенсии. На ней была изображена Каталония и часть Средиземного моря.

Она взяла перо, обмакнула в чернила и начала рисовать.

Линии ложились ровно, уверенно. Она переносила с карты отца не города и реки – она переносила логику. *Вот здесь горы, проходы только здесь. Вот здесь побережье, удобное для высадки. Вот здесь глубины, где большие корабли не пройдут, а рыбацкие лодки – пройдут. Вот здесь ветры, вот здесь течения...*

Она работала долго, не замечая времени. Солнце поднялось высоко, потом начало клониться к закату. В хижине стало жарко, потом снова прохладно. Марта не отрывалась.

Только когда на море заалел закат, она отложила перо и посмотрела на свою работу. Карта Каталонии была готова. На полях, мелким почерком, она написала: «Французы пойдут здесь. Если начнется война, ключ – Таррагона. Кто возьмет Таррагону, тот возьмет море»

Она долго смотрела на эти строки. Потом аккуратно свернула карту и убрала обратно в сундук. На самый верх, поверх писем и простыней – чтобы сразу достать, если понадобится.

За окном закричали чайки. Марта выглянула – на горизонте показались лодки, возвращающиеся с лова.

Она быстро убрала чернила, заперла сундук, поправила платье. Достала из печи горшок с похлебкой, поставила на огонь разогреваться. Нарезала хлеба, налила вина в глиняную кружку.

Когда Николас вошел, усталый, пропахший рыбой и морем, его уже ждал ужин.

– Ну что, колдунья? – спросил он, усаживаясь на лавку. – Угадала?

– Угадала, – улынулась Марта. – Много?

– Полная лодка! – Он довольно потер руки. – Сардина, кефаль, даже два лосося попались. Завтра на рынок отнесу, хорошо выручим.

Он ел с аппетитом, а она сидела напротив и смотрела на него. На его обветренное лицо, мозолистые руки, седину в волосах, которой с каждым годом становилось больше.

– Коля, – сказала она вдруг.

– М?

– А помнишь, ты рассказывал про битву при Ньюпорте?

Он перестал жевать, удивленно поднял брови:

– С чего вдруг?

– Просто вспомнила. Ты говорил, что наши терции тогда стояли насмерть, но французы обошли их по дюнам и ударили с тыла.

Николас помрачнел. Он не любил вспоминать войну. Двадцать лет прошло, а всё равно – ночью иногда снится.

– Было дело, – коротко ответил он.

– А если бы... – Марта помедлила. – Если бы ваш командир знал про эти дюны заранее? Если бы он поставил заслон с той стороны? Тогда бы французы не прошли?

Николас посмотрел на неё долгим взглядом.

– Откуда ты знаешь про дюны? Я тебе не рассказывал.

Марта внутренне напряглась, но лицо осталось спокойным.

– Рассказывал, – мягко сказала она. – Давно, ещё в первый год marriage. Ты много рассказывал поначалу. А я запоминаю.

Он хмыкнул, отхлебнул вина.

– Ну да, ты у меня память цепкая. – Он вздохнул. – Да, если бы знал. Если бы... Да что теперь гадать. Война кончилась, я жив, ты со мной. Слава Богу.

Он перекрестился на угол, где висело маленькое распятие.

Марта тоже перекрестилась. И улыбнулась.

Но ночью, когда Николас захрапел, она долго лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, где сквозь щели в черепице мерцали звезды.

– Если бы знал, – думала она. – Если бы знал, что я знаю больше, чем он рассказывал.

Она осторожно, чтобы не разбудить мужа, повернулась на бок и посмотрела в сторону сундука.

Там, под простынями, лежала карта Каталонии. И ответ на вопрос, который Николас даже не догадался задать.

Глава 2. Ужин при свечах

Три дня спустя. Вечер

Море в этот вечер было необыкновенно спокойным. После заката вода и небо слились в одну темнеющую синеву, и только узкая полоса оранжевого света на горизонте напоминала, где кончается одно и начинается другое.

Николас сидел на пороге дома и чинил сеть. Руки его двигались привычно, почти автоматически: узел, протяжка, узел, протяжка. Время от времени он останавливался, подносил работу к глазам – зрение уже не то, что в молодости, – и снова продолжал.

Марта хлопотала у очага. Сегодня был особенный ужин: вчера Николас хорошо выручил за рыбу на рынке в Валенсии, и она решила побаловать мужа. В горшке томилось мясо с луком и чесноком – редкость для их стола, – а в углу на полке остывал свежее испеченный хлеб.

– Хорошо пахнет, – сказал Николас, не оборачиваясь.

– Ещё бы. Мяса давно не было.

Он хмыкнул. В последние годы мясо действительно бывало на столе нечасто. Рыба – сколько угодно, хлеб – свой, вино – своё, но мясо... Мясо надо было покупать, а деньги уходили на сети, на смолу для лодки, на налоги, которые всё росли.

– В следующий раз, – сказал он, – возьму тебя с собой. Посмотришь на город, на людей.

Марта улыбнулась, но ничего не ответила. Она не любила Валенсию. Слишком много людей, слишком шумно, слишком много вопросов. Там, на рынке, все смотрят, оценивают. А здесь, на берегу, она была сама себе хозяйка.

– Коля, – сказала она через минуту, – а Расскажи ещё про Фландрию.

Николас нахмурился.

– Ты опять за своё?

– Мне интересно. Ты столько лет там был, а я ничего толком не знаю. Только то, что ты рассказал в первый год.

Он вздохнул, отложил сеть. Вошёл в дом, сел за стол, потянулся к кувшину с вином. Марта поставила перед ним миску с мясом и тарелку хлеба.

– Ну что рассказывать, – начал он нехотя. – Война – она и есть война. Грязь, холод, смерть. Красивого мало.

– А ты Расскажи про битвы. Про то, как строили терции, как атаковали.

Николас посмотрел на неё с подозрением:

– Откуда ты слова такие знаешь? «Терции», «атаковали»...

– Ты сам говорил, – спокойно ответила Марта. – Я запомнила.

Он пожал плечами и отправил в рот кусок мяса.

– Ну, терции... Терции – это наша гордость. Три тысячи человек в полку, из них две трети – пикинеры, треть – мушкетеры. Строимся квадратом, пики наружу, мушкетеры стреляют из-за спин. Никакая кавалерия не пробьёт, если стойка правильная. – Он оживился, в глазах загорелся огонёк. – Во Фландрии нас боялись. Французы, голландцы – все знали: если испанская терция стоит, её не сдвинешь.

– А при Ньюпорте сдвинули, – тихо сказала Марта.

Николас помрачнел.

– При Ньюпорте – особый случай. Командир наш, дон Франсиско, хороший был человек, но горячий. Увидел, что голландцы отступают, и погнал терции вперёд, по дюнам. А дюны – это песок сыпучий, строй ломается. Пока мы карабкались, голландцы перестроились и ударили с флангов. И ещё ветер... – Он махнул рукой. – Эх, что теперь вспоминать.

Марта слушала внимательно, не перебивая. В голове у неё уже выстраивалась картина: дюны, ветер, сыпучий песок, ломающий строй, голландцы, заходящие с флангов. Она мысленно переносила это на карту, которую видела в отцовских бумагах – карту окрестностей Ньюпорта с пометками о рельефе.

– А если бы, – осторожно спросила она, – если бы дон Франсиско послал разведчиков на дюны заранее? Чтобы узнать, можно ли там пройти, не сломав строй?

Николас задумался. Прожевал, проглотил, отхлебнул вина.

– Может, и посылал. Не помню. Я тогда простым солдатом был, мне не докладывали. – Он посмотрел на неё с любопытством. – А ты откуда про дюны знаешь? Я же тебе не рассказывал, что там песок.

Марта внутренне напряглась, но лицо осталось спокойным.

– Рассказывал, – повторила она ту же ложь, что и три дня назад. – Ты много рассказывал в первый год. А я запоминаю.

Николас покачал головой, но спорить не стал. Доел мясо, вытер руки о хлеб.

– Ладно, будет тебе про войну. Лучше скажи, откуда ты про дюны вообще знаешь? Ты ж в жизни моря не видела, пока сюда не приехала. Откуда такие слова?

Марта улыбнулась:

– Книги, Коля. У отца были книги.

– Про дюны?

– Про всё. – Она встала, подошла к сундуку. Помедлила мгновение, достала ключ, отперла замок. – Хочешь покажу?

Николас пожал плечами, но подошёл. Он редко заглядывал в этот сундук – там было Мартино приданое, её вещи, её память об отце. Не мужское дело в бабьи сундуки лазить.

Марта подняла крышку. Поверх простыней лежали книги. Старые, тяжёлые, в коже с потёртостями.

– Вот, – сказала она, доставая одну. – Вегеций. «О военном деле». Отец говорил, что эту книгу должен читать каждый командир.

Николас взял книгу, полистал. Латынь, непонятно. Картинки какие-то, схемы.

– И что тут написано?

– Про то, как строить войска, как осаждать крепости, как выбирать место для лагеря. – Марта говорила спокойно, будто речь шла о выпечке хлеба. – Отец говорил, что римляне победили всех не потому, что были сильнее, а потому, что думали лучше. Вот здесь, например... – Она перелистнула несколько страниц, нашла нужное место. – Здесь написано про выбор места для битвы. Надо смотреть на солнце, на ветер, на рельеф. Если солнце бьёт в глаза – проиграешь. Если ветер дует в лицо твоим лучникам – проиграешь. Если стоишь ниже противника – проиграешь.

Николас смотрел на неё с удивлением.

– Ты это читаешь?

– Читаю. А что?

– Ну... – Он замялся. – Странно это. Баба – и про войну.

Марта аккуратно закрыла книгу, убрала обратно в сундук.

– Отец не говорил, что это только для мужчин. Он говорил, что это для тех, у кого есть голова на плечах. – Она подняла на мужа глаза. – У меня есть голова, Коля. Или ты думал, я только сети чинить умею?

Он усмехнулся, притянул её к себе:

– Я думал, ты у меня самая умная. Даже слишком.

– Это плохо?

– Это хорошо. – Он поцеловал её в макушку. – Только другим не говори. Засмеют.

– Знаю. – Марта прижалась к нему, спрятала лицо. – Никому не скажу.

Они стояли так посреди комнаты, обнявшись, а за окном шумело море и начиналась ночь.

Позже, когда Николас уже спал, Марта снова сидела при свече. Перед ней лежала книга Вегеция, открытая на той самой странице, которую она показывала мужу.

Но смотрела она не на латинский текст, а на поля. Там, на полях, мелким, почти бисерным почерком её отец делал пометки. Комментарии к прочитанному, дополнения из собственного опыта.

Напротив главы о выборе места для битвы рукой дона Альваро было написано:

«Ньюпорт, 1600. Голландцы выбрали позицию на дюнах, ветер в нашу сторону, песок сыплется, строй ломается. Дон Франсиско не послушал совета. Итог: поражение. Запомни, дочка: даже самая храбрая армия проиграет, если командир не видит дальше своего носа».

Марта долго смотрела на эти строки. Потом перевела взгляд на спящего мужа. Он посапывал, отвернувшись к стене, усталый после долгого дня.

«Если бы ты знал, – подумала она. – Если бы ты знал, что твой командир при Ньюпорте проиграл потому, что не видел дальше своего носа. И что я вижу дальше. Намного дальше»

Она задула свечу и легла рядом. Прислушалась к дыханию мужа, к шуму волн за окном.

Где-то далеко, за морем, в Европе уже начиналась новая война. Марта чувствовала это каждой клеткой. Франция и Испания снова схлестнутся, и кровь польётся рекой. И тогда...

Она не знала, что тогда. Но одно знала точно: её знания, её ум, её способность видеть то, чего не видят другие – всё это не должно пропасть зря.

Вопрос был только в том, как это сделать.

Утро следующего дня

Николас ушёл в море рано, ещё затемно. Марта проводила его, постояла на берегу, глядя, как лодка тает в утреннем тумане, и вернулась в дом.

Сегодня она решила привести в порядок отцовские бумаги. Сундук был полон не только книг – там лежали ещё и рукописи, записи, черновики. Много лет Марта не решалась их трогать – слишком больно было вспоминать отца. Но теперь пришло время.

Она разложила листы на столе, разгладила ладонями. Отец писал мелко, торопливо, иногда перечёркивал и правил. Но почерк был разборчивым – он учил её читать именно по таким черновикам.

«Заметки о фортификации», – значилось на одном листе. Дальше шли рисунки: бастионы, рavelины, куртины, – и пояснения: «Глубина рва должна быть не менее трёх варас, иначе осадные лестницы достанут до верха стены... Ширина вала – такой, чтобы две повозки разъехались, но не больше, иначе защитники не успеют перебежать с одного фланга на другой...»

«Размышления о кампании во Фландрии», – на другом. «Если бы в шестьдесят восьмом мы пошли не на Бреду, а на Берген-оп-Зом, то...»

Марта читала, впитывала, запоминала. Это был не просто текст – это был голос отца, его мысли, его опыт. Он учил её даже после смерти.

К полудню она разобрала половину бумаг. Остальное отложила на завтра. Взяла чистый лист, перо, обмакнула в чернила.

«Заметки для себя», – написала она сверху. – Прочитанное у Вегеция и отца. Что важно запомнить:

1. Побеждает не тот, у кого больше солдат, а тот, у кого лучше разведка. Знать местность – знать исход битвы.
2. Логистика важнее доблести. Сытая армия дерётся, голодная – разбегается.
3. Командир должен думать за противника. Что сделал бы я на его месте? Куда бы ударил? Где бы ждал?
4. Море и суша – одно. Кто контролирует берег, тот контролирует ситуацию.
5. Самое страшное оружие – неожиданность. Если враг не ждёт тебя там, где ты появился, – ты уже наполовину победил.

Она перечитала написанное, кивнула сама себе и убрала листок в сундук, отдельно от отцовских бумаг.

Потом вышла на порог, посмотрела на море. На горизонте показались рыбацкие лодки – возвращались с дневного лова.

– Коля, – прошептала она. – Мой бедный Коля. Ты даже не знаешь, кто спит в твоей постели.

Она улыбнулась своим мыслям и пошла готовить ужин.

Глава 3. Вестник с моря

Осень 1635 года

В тот год осень выдалась штормовой. В конце сентября ветер три дня дул с востока, гнал волну на берег, и рыбаки не выходили в море. Лодки вытащили повыше, быков угнали в загоны подальше от воды, а женщины сидели по домам и слушали, как ветер воет в щелях и дождь хлещет по черепице.

На четвёртый день шторм стих так же внезапно, как начался. Утром выглянуло солнце, море успокоилось, и деревенские высыпали на берег – посмотреть, что принесло ночным прибоем.

Обычно приносило плавник, обрывки сетей, иногда разбитые бочки из-под вина или солёной рыбы. Дети бегали по кромке воды, собирая всё, что могло пригодиться в хозяйстве.

В это утро Марта тоже вышла на берег. Николас ушёл проверять лодку – не повредило ли её штормом, а она стояла чуть поодаль, закутавшись в шаль, и смотрела на море.

Оно было странного цвета – мутно-зелёного, с белыми барашками у горизонта. Вода ещё не успокоилась после шторма, дышала тяжело, как зверь после долгого бега.

– Марта! – крикнула соседка, старая Хуана. – Иди сюда, там что-то странное!

Марта обернулась. Женщины собрались в кучку у самой воды, показывали пальцами на что-то тёмное, что лежало на песке.

Она подошла ближе и сразу поняла, почему они не подходят вплотную.

Это был труп.

Мужчина, лет тридцати, в изодранной одежде. Лицо раздутое, синее, руки распухли. Проплавал в воде не один день – судя по тому, как объели рыбы открытые участки тела.

Женщины крестились, отворачивались. Кто-то побежал за алькальдом, деревенским старостой.

Марта стояла и смотрела. Не с отвращением – с интересом.

Она опустила на корточки, рассматривая одежду. Холщовые штаны, когда-то синие, теперь выцветшие. Куртка из грубой ткани, с остатками нашивок на рукаве. Сапоги – хорошие, почти новые, но один потерял.

– Марта, отойди! – зашептала Хуана. – Грех же! Нельзя на мёртвых смотреть!

Марта не ответила. Она осторожно, двумя пальцами, приподняла край куртки. Подкладка была подбита чем-то тёплым – овчина, добротная. Такие куртки носили не простые крестьяне.

Она перевернула рукав. Нашивки – потускневшие, выцветшие, но различные. Три лилии на синем поле. Французский королевский герб.

– Кто это? – спросила Хуана, перестав креститься и с любопытством заглядывая через плечо.

– Солдат, – тихо сказала Марта. – Француз.

– Откуда здесь француз? – удивилась женщина. – До Франции же далеко!

Марта выпрямилась, вытерла руки о фартук.

– Не знаю. Но это солдат. И он не один плыл. Шторм разбил корабль где-то в море. Может, не один корабль.

Она посмотрела вдоль берега. Вдалеке, у следующей бухты, тоже темнела какая-то груда – то ли обломки, то ли ещё один утопленник.

Подошёл алькальд, старый Педро, с двумя мужиками. Посмотрел на труп, покачал головой:

– Надо закопать. Подальше, чтоб собаки не отрыли. И святой водой окропить – мало ли, некрещёный.

– Он крещёный, – сказала Марта. – Католик.

Алькальд удивлённо посмотрел на неё:

– Откуда знаешь?

– Нашивки. Французские. Французы – католики.

Педро хмыкнул, но спорить не стал. Велел мужикам взять лопаты и закопать тело за деревней, у оврага.

Марта пошла дальше по берегу. Туда, где темнели обломки.

Это был остов небольшого судна – maybe рыбацкой лодки, maybe военного баркаса. Разбито в щепки, доски разбросаны по всему пляжу. Марта ходила среди обломков, переворачивала доски, заглядывала под них.

Под одной из досок лежал предмет, заставивший её сердце забиться быстрее.

Кожаная сумка, намокшая, но целая. Ремень перекинут через доску – видимо, владелец привязал её, надеясь спасти, но не спасся сам.

Марта оглянулась. Никто не смотрел. Женщины остались у трупа, мужики пошли за лопатами.

Она подняла сумку, отнесла за большой валун, где её не было видно с берега. Открыла.

Внутри было мокро, но не всё пропало. Несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком, – промокли, но читать можно. Ещё – небольшой свёрток в промасленной ткани, завёрнутый тщательно, перевязанный бечёвкой. Марта развернула.

Карта.

Не рыбацкая, не купеческая – военная. С пометками, стрелками, обозначениями войск. На ней была изображена береговая линия от Барселоны до Валенсии. Глубины, якорные стоянки, места, удобные для высадки. И пометки на французском: «Bon mouillage» (хорошая якорная стоянка), «Défenses faibles» (слабая оборона), «Population hostile?» (население враждебно?).

Марта долго смотрела на карту. Руки у неё дрожали – первый раз в жизни.

Это была разведка. Французы готовились к высадке на испанское побережье. Или уже готовились. И их разведчик плыл с донесением – и утонул в шторме.

Она аккуратно свернула карту, спрятала обратно в сумку, сумку – под шаль. Вышла из-за валуна и направилась к дому, стараясь идти спокойно, не привлекая внимания.

Сердце колотилось где-то в горле.

Николас вернулся к вечеру. Лодка была цела, даже сети почти не пострадали – только пара дыр, которые легко зашить.

Марта встретила его на пороге, как всегда. Поцеловала, помогла снять куртку, поставила ужин.

– Слышал про утопленника? – спросил он, садясь за стол.

– Слышала. Француз, говорят.

– Француз? – Николас удивился. – Откуда здесь француз?

– Корабль разбило штормом. Алькальд сказал, ещё обломки на берегу.

Николас покачал головой:

– Далеко их носит. Наверное, с торгового судна. Или с корсарского.

– Может быть, – спокойно ответила Марта.

Она ела молча, глядя в тарелку. В голове крутились слова с карты: «Défenses faibles». Слабая оборона. Это про них. Про их берег, про их деревню, про их жизни.

– Коля, – сказала она вдруг. – А что, если война?

Он поднял голову:

– Какая война?

– С Францией. Говорят, король наш и французский король поссорились. Может, начнётся.

Николас усмехнулся:

– Бабы разговоры. Короли всегда ссорятся. До нас это не дойдёт. Мы рыбаки, нам война не нужна.

– А если дойдёт?

Он посмотрел на неё внимательно:

– Ты чего это? Боишься?

– Нет. – Марта покачала головой. – Не боюсь. Просто думаю.

– Думалка у тебя большая, – ласково сказал Николас. – Не думай о плохом. Война далеко, а мы здесь. Море нас прокормит, море и защитит.

Он доел, перекрестился, встал из-за стола.

– Пойду сети посмотрю. Завтра в море, если погода будет.

Он вышел. Марта осталась одна.

Она подождала немного, прислушиваясь к его шагам за стеной. Потом встала, подошла к сундуку. Отперла, достала сумку.

Карта лежала на самом дне, под простынями, под отцовскими бумагами, под её собственными записями. Марта развернула её, разгладила на столе.

При свете свечи французские пометки казались ещё более зловещими. Вот их деревня. Вот бухта, где они купались детьми. Вот мыс, за которым они ловили рыбу. И везде – пометки: «Plage accessible» (пляж доступен), «Pas de garnison» (гарнизона нет), «Eau potable» (питьевая вода есть).

Они разведали всё. Они знали про них больше, чем они сами знали про себя.

Марта сидела долго, вглядываясь в линии. Потом достала чистый лист, перо, чернила.

Она начала перерисовывать карту – но не просто копировать. Она переносила французские пометки на свой язык, добавляла свои знания: где камни, где течения, где отмели, где можно спрятать лодки, а где лодки сядут на мель.

«Если они высадутся здесь, – думала она, водя пером, – то пойдут по этой дороге. Здесь их можно встретить. Здесь – задержать. Здесь – отрезать от моря. Здесь...»

Она работала до глубокой ночи. Когда Николас вернулся, она уже спрятала всё и лежала в постели, притворяясь спящей.

Он лёг рядом, обнял её, поцеловал в затылок.

– Спи, моя умница, – прошептал он.

Марта не ответила. Она лежала с открытыми глазами в темноте и смотрела на стену, за которой в сундуке лежала карта, предвещающая войну.

Следующим утром

Николас ушёл в море. Марта, проводив его, вернулась в дом и снова достала карту. Теперь, при дневном свете, она рассмотрела детали, которые пропустила ночью.

В углу, мелким почерком, была приписка: «Rapport au Cardinal – juillet 1635» (Доклад кардиналу – июль 1635).

Кардинал. Значит, это не просто разведка, это приказ самого Ришелье. Французский первый министр лично интересовался испанским побережьем.

Марта вспомнила, что читала в газетах, которые привозил купец из Валенсии: Франция и Испания уже воюют в Италии, во Фландрии, на границе в Пиренеях. Но здесь, на море, пока тихо.

Пока.

Она аккуратно сложила карту, спрятала обратно. Достала свои заметки, перечитала:

«Побеждает не тот, у кого больше солдат, а тот, у кого лучше разведка. Знать местность – знать исход битвы».

Она знала местность. Она знала каждый камень на этом берегу, каждый ручей, каждую тропинку в холмах. Она знала, где можно спрятать отряд, где задержать армию, где устроить засаду.

Если война придёт сюда, она будет готова.

Вопрос только в том, как объяснить это мужу. Как сказать рыбаку, который верит только в сети и погоду, что его жена видит войну лучше, чем любой генерал?

Марта вышла на порог, посмотрела на море. Оно было спокойным, синим, бескрайним.

– Я придумаю, – прошептала она. – Я обязательно придумаю.

И пошла чинить сети.

Глава 4. Быки и порох

Зима 1635–1636 года

В ту зиму война пришла в их жизни не с моря, а со слухов.

Сначала это были обрывки разговоров на рынке в Валенсии, куда Николас ездил раз в неделю продавать рыбу. Потом – новости, которые привозили купцы на кораблях, заходивших в соседнюю бухту. Потом – беженцы.

Первые беженцы появились в феврале. Семья из-под Перпиньяна – двое стариков, женщина с тремя детьми, подросток. Они шли пешком через Пиренеи, потом вдоль берега, неделями. Рассказывали, что французы перешли границу, жгут деревни, угоняют скот, насилюют женщин.

– Там война, – сказал старик, глядя в пустоту остановившимися глазами. – Настоящая война. Мы думали, уйдём – спасёмся. А теперь не знаем, есть ли куда.

Деревня приняла их. Поселили в сарае у алькальда, кормили чем могли. Женщины приносили одежду, рыбаки – рыбу. Марта отдала им старое одеяло и горшок похлёбки.

Она долго разговаривала с женщиной, пока дети спали на соломе. Та рассказывала, как французы ворвались в деревню, как кричали люди, как горели дома. Марта слушала, кивала, но в голове у неё складывалось другое: не ужас, а карта.

– Сколько их было? – спрашивала она. – Много? С лошадьми? С пушками?

Женщина не понимала таких вопросов, отвечала сбивчиво: «Много, очень много», «Лошади были, да», «Пушек не видала, может, были».

Марта возвращалась домой и записывала: «Французы действуют малыми отрядами, без артиллерии, на лошадях. Жгут, грабят, уходят. Значит, не закрепляются – только набег».

Она смотрела на карту, которую перерисовала с французской. Если они действуют так здесь, на севере, то здесь, на юге, будут действовать так же. Сначала разведка, потом набег, потом – если никто не остановит – постоянные гарнизоны.

– Марта! – окликнул её Николас, входя в дом. – Ты чего сидишь в темноте?

Она вздрогнула, быстро прикрыла бумаги тряпкой.

– Задумалась. Ужин готов.

Он сел за стол, устало потёр лицо.

– На рынке сегодня говорили, что король собирает ополчение. Всех мужчин, кто может держать оружие, могут забрать.

Марта замерла с ложкой в руке.

– Тебя тоже?

– Я старый уже. – Николас усмехнулся. – Кому нужен рыбак под пятьдесят? Молодых заберут. Вон, у Хуана сына, говорят, уже записали.

Марта молча поставила перед ним тарелку.

– А если всё-таки призовут? – тихо спросила она.

Николас посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ты боишься одна остаться?

– Я не одна боюсь. Я за тебя боюсь.

Он накрыл её руку своей, большой, шершавой, тёплой.

– Не бойся. Никуда я не пойду. Я своё отвоевал. Пусть молодые воюют.

Она кивнула, но в душе не успокоилась. Она знала то, чего не знал он: война не спрашивает, хочешь ты воевать или нет. Война приходит сама.

В марте случилось то, чего все боялись: французы высадились на берег.

Не здесь, у них, а в пятидесяти лигах к северу, у небольшого городка Винарос. Два корабля, сотня солдат. Сожгли несколько домов, забрали припасы, убили троих рыбаков, которые пытались защищать лодки, и ушли обратно в море, пока никто не успел ничего сделать.

Весть об этом пришла через неделю с рыбаками, которые ходили на север за тунцом.

Деревня замерла. Впервые война коснулась их так близко.

Алькальд Педро собрал сход на площади у церкви. Мужики стояли хмурые, бабы крестились, дети жались к юбкам.

– Надо что-то решать, – сказал Педро. – Если они сюда придут, мы так же сгорим. У нас ни стен, ни солдат. Только лодки да сети.

– А что мы можем? – крикнул кто-то из толпы. – Против пушек с гарпунами пойдём?

– Можем уйти в горы, – предложил другой. – Спрятаться, пока они не уйдут.

– А лодки? А дома? А сети? – зашумели рыбаки. – Всё бросать?

Спор разгорался, но никто не знал, что делать.

Марта стояла в стороне, прислонившись к стене церкви, и слушала. Она смотрела на этих людей, которых знала всю жизнь, – на их испуганные лица, на их беспомощность, на их отчаяние.

И вдруг она поняла, что должна сказать.

Она шагнула вперёд.

– А можно я скажу?

Все обернулись. Женщина, вмешивающаяся в мужской разговор? Это было неслыханно.

– Марта, иди домой, – нахмурился Педро. – Не бабье это дело.

– А чьё это дело? – спросила она спокойно. – Ваше? Вы тут стоите и спорите, а французы через неделю могут быть здесь. У вас есть план?

Мужики загудели.

– А у тебя есть? – крикнул кто-то насмешливо.

– Есть, – сказала Марта.

Тишина... Николас, стоявший в первом ряду, смотрел на неё с удивлением. Он никогда не видел жену такой – спокойной, уверенной, с холодными глазами.

– Говори, – буркнул Педро. – Раз уж вызвалась.

Марта вышла в центр круга.

– Французы приходят с моря. Значит, встречать их надо на берегу, пока они не высадились. Пушки у них есть, но мало, и стреляют они далеко только с кораблей. Когда солдаты в лодках – они беспомощны. В этот момент их можно бить.

– Чем бить? – спросил кто-то.

– Гарпунами, камнями, луками. У кого есть арбалеты – достаньте. И быками.

– Быками? – удивился Педро.

– Быками. – Марта обвела взглядом собравшихся. – Вы же видели, как они бегут, если их разозлить. А если поджечь им хвосты?

Мужики переглянулись. Кто-то хмыкнул, кто-то задумался.

– Дальше, – продолжала Марта. – Если они высадутся, их надо заманивать. Не лезть в открытую – они обученные, у них мушкеты. Заманивать в узкие места, где не развернуться. В овраги, в скалы, на тропы между холмами. Там наши рыбаки каждый камень знают, а они – нет.

Она говорила ещё долго. О том, как ставить засады. Как наблюдать за морем и зажигать сигнальные костры, если увидят врага. Как прятать лодки и припасы. Как уходить в горы и возвращаться, когда французы уйдут.

Мужики слушали, раскрыв рты.

Когда она закончила, Педро крикнул:

– Откуда ты это всё знаешь, Марта?

– Книжки читаю, – коротко ответила она. – Отец научил.

Николас смотрел на неё так, будто видел впервые.

После схода они шли домой молча. Только у порога Николас остановился и взял её за плечи, развернув к себе.

– Марта. Откуда?

Она подняла на него глаза:

– Я же сказала. Книжки. Отец учил.

– Отец учил бабу воевать?

– Отец учил меня думать. – В её голосе впервые появилась твёрдость. – Думать, Коля. Это не только для мужчин.

Он долго смотрел на неё, потом отпустил.

– Ладно. – Голос у него был странный, будто он не знал, что сказать. – Ладно. Пойду сети проверю.

Он ушёл к лодкам. Марта осталась на пороге, глядя ему вслед.

Сердце колотилось. Она сказала слишком много. Она выдала себя.

Но выбора не было. Если французы придут, эти люди погибнут. А она могла их спасти.

Она вошла в дом, достала из сундука свои бумаги и долго сидела при свече, записывая всё, что пришло в голову во время разговора. Пункт за пунктом, схема за схемой.

«Если враг с моря:

1. Наблюдатели на мысах – днём и ночью.
2. Сигнальные костры – три костра значит "враг близко".
3. Лодки убрать в бухту за скалами, туда они не сунутся.
4. Женщин и детей в горы, мужчины остаются.
5. Встречать на отмели – там лодки вязнут, солдаты выходят медленно.
6. Быков гнать с двух сторон, чтобы запаниковали.
7. После боя – сразу уходить, не задерживаться, французы могут вызвать подмогу с кораблей».

Она перечитала, кивнула и убрала листок к остальным.

Снаружи шумело море. Где-то в темноте, на берегу, Николас возился с сетями. Он не пришёл ужинать.

Марта знала: он думает. О том, что его жена ... что он совсем не знает женщину, с которой прожил столько лет.

Николас вернулся поздно. Лёг молча, отвернулся к стене. Долго не спал – Марта слышала по дыханию.

Она тоже не спала. Лежала и ждала.

– Марта, – сказал он вдруг в темноту.

– М?

– Ты правда думаешь, что они придут?

– Думаю, да.

– И что мы сможем их отбить?

– Сможем. Если подготовимся.

Пауза. Длинная, тяжёлая.

– А откуда ты знаешь, где они высадятся? Где у них слабые места?

Марта помолчала. Потом решилась:

– Я карту видела. Французскую.

Николас резко повернулся к ней:

– Где?

– На том утопленнике. Я её нашла на берегу, когда шторм был. Спрятала.

– Спрятала? – Он сел на постели. – Ты спрятала французскую карту и молчала?

– Я не молчала. Я сегодня сказала. На сходе.

Он смотрел на неё в темноте, не видя лица, но чувствуя её взгляд.

– Ты... – Он не договорил.

– Я боялась, Коля. Боялась, что ты не поверишь. Что скажешь – бабьи выдумки. Что запретишь.

Он молчал долго. Потом лёг обратно, натянул одеяло.

– Покажи завтра.

– Покажу.

Они лежали рядом, не касаясь друг друга. Каждый думал о своём.

Марта знала: что-то изменилось. Она переступила черту, и обратного пути нет.

Но она не жалела.

Утром Николас не пошёл в море. Он сидел за столом, пока Марта раскладывала перед ним карту – ту самую, французскую, и свою копию с пометками.

Он рассматривал их долго, водил пальцем по линиям, шевелил губами, читая французские надписи.

– Ты понимаешь, что тут написано? – спросил он наконец.

– Понимаю. Немного.

– А это что? – Он ткнул в пометку у их деревни. – «Plage accessible»?

– Пляж доступен. Место удобное для высадки.

Николас выругался сквозь зубы.

– Они знают про нас. Про нашу деревню.

– Знают. – Марта говорила спокойно, хотя внутри всё дрожало. – Поэтому я и сказала вчера. Надо готовиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.